

Юлия Беринг

The background of the cover features a man in a dark suit and a woman in a white top. The man is holding the woman, who is holding a folder with medical documents. In the background, a hospital operating room is visible through a window.

АГРУШКА ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.

Ты купил мою свободу
за операцию отца!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого
наследника. Ты купил мою
свободу за операцию отца!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты купил мою свободу за операцию отца! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Моему отцу срочно нужна операция. Сто двадцать тысяч рублей, которых у меня нет. Единственный, кто согласился помочь, — Даниил Родовский, жестокий наследник юридической империи. — Подпиши контракт, Кира. Теперь ты моя игрушка! Я согласилась ради папиной жизни. Даниил заставлял меня выполнять унижительные поручения, угрожал коллекторами, лишил стипендии и выгнал из общежития. А потом я узнала правду. Долги отца были созданы искусственно! Семья Родовских годами разрушала его жизнь, а меня заставили расплачиваться собственной свободой. Когда отец погиб, я нашла документы, способные уничтожить их империю. Теперь Даниил предлагает мне стать его женой. Но я выбираю месть, свободу и мужчину, который никогда не называл меня своей собственностью.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты купил мою свободу за операцию отца!

Глава 1

Телефон бился в кармане, прижатый к бедру. На экране был номер больницы. Я отошла от двери деканата: пусть куратор не слышит, как я опять прошу подождать с оплатой. Папа. Опять.

Врач перечислял повреждения, а я ждала, когда он закончит. Переломы рёбер. Сотрясение. Шок. На слове «селезёнка» он остановился и повторил: нужна операция. Сто двадцать тысяч предоплаты. Страховой гарантии у нас не было. Я спросила, можно ли внести часть, и услышала, как на том конце зашуршали бумаги: моё предложение даже не стали обсуждать.

Сто двадцать тысяч. Я открыла банковское приложение, будто за время разговора туда могли поступить деньги. Три тысячи с копейками — последние. Из них ещё нужно было есть и ездить к папе. Стипендия придёт позже, даже вся она ничего не решит. На лекциях я уже третью неделю считала не сроки давности, а цены лекарств. Папа теперь не мог ни заработать, ни попросить займы: после того окна, к которому его довели Родовские, он лежал в реанимации.

— Волкова?

Я вздрогнула и сунула телефон в карман плаща. Игорь Петрович стоял в дверях своего кабинета. Пока я пыталась привести лицо в порядок, он оглядел меня с воротника до кроссовок. Рукава мятые, нос красный; я знала, что он видит. Знала и то, что, начни я сейчас объяснять про больницу, голос сломается на первом слове.

— Вы прогуляли лекцию по уголовному праву. Третью неделю подряд.

— У меня... семейные обстоятельства, — голос сорвался на последнем слове.

Я уставилась на пуговицу его пиджака. Скажи «отец в реанимации». Ну скажи. Вместо этого я стояла и ждала, разрешат ли мне пропустить ещё одну лекцию. О больничных счетах Игорь Петрович даже не спросил.

— Обстоятельства не повод для отчисления, Кира. А вот систематическая недисциплинированность — повод. Ваша стипендия под вопросом. Если вы не хотите оказаться на улице, извольте вести себя достойно.

Он захлопнул дверь, не дождавшись ответа. Ни «спасибо», ни «пошёл ты» не достались ему, хотя второе я уже приготовила. Я стояла у кабинета и тёрла ладонь о карман. Без стипендии придётся выбирать, поехать ли к папе или купить хлеб. Мне хотелось снова постучать и объяснить именно это, без красивых слов об обстоятельствах. Но за дверь уже заговорили с кем-то другим.

У лестницы я едва не врезалась в Алину Круглову. Она могла спокойно пропустить меня: рядом оставалось полкоридора. Вместо этого шагнула туда же, куда я, и улыбнулась. От её духов защекотало нос. Только чихнуть на неё сейчас не хватало — потом весь курс будет обсуждать и это.

— Ну как, нищенка? — её голос был сладким, как просроченный йогурт. — Опять отчитали?

Алина заглянула мне за плечо, на дверь куратора, и вернулась ко мне с прежней улыбкой.

— Ты хоть плащ погладь, когда идёшь жаловаться. А то смотреть жалко. И этот запах... Больница, дешёвое мыло.

Она поморщилась и чуть отступила, всё ещё загораживая лестницу.

— Мы здесь учимся, Кира. Ты здесь выживаешь. Разницу чувствуешь?

Я сжала кулаки в карманах, чтобы она не заметила. Схватить бы за эти безупречно уложенные волосы, потянуть вниз и посмотреть, останется ли улыбка. Но она именно этого и ждала. Скажет ректору, что я напала. Меня выкинут из общаги, а к папиной кровати приедет кто-нибудь из фирмы. Из-за одной минуты, в которую мне стало приятно. Пришлось разжать пальцы.

— Пропусти, — сказала я тихо.

Алина усмехнулась, но сделала шаг в сторону. Она задержала взгляд на кармане с телефоном. Я прикрыла его ладонью — и тут же пожалела: выдала себя.

На улице ветер ударил по мокрым щекам. Я укрылась за дверью, раскрыла контакты и нашла Сергея Аркадьевича, бывшего коллегу отца. Он мог хотя бы подсказать, к кому обратиться. Прижала телефон к уху: гудок, ещё один. На четвёртом уже хотелось сказать «пожалуйста», хотя меня пока никто не слышал.

— Алло?

— Сергей Аркадьевич, это Кира, дочь Михаила Волкова. Мне нужна помощь... хоть какая-то. Консультация, совет, займ.

— Кира... — Он умолк. Я ждала. — Ты кому ещё звонила?

— Пока никому.

— Вот и не звони. Слушай внимательно: моего имени нигде не называй. Родовские купили всех. Про тебя тоже знают, ты рядом с Даниилом, с сыном Родовского.

Теперь он шептал; я плотнее прижала телефон к уху.

— Сергей Аркадьевич, папе нужна операция.

— Я понял. Понял, Кира. Но помогу тебе — меня вырежут из бизнеса. А твоего отца добьют. Не звони мне больше. Пожалуйста.

Щелчок. Гудки.

Я ещё секунду держала трубку у уха. Потом посмотрела на имя Сергея Аркадьевича в контактах: раньше папа звал его Серёжкой и спорил с ним о футболе. Теперь даже дочь Михаила Волкова на экране была для него опасностью. Перезвонить? Он снова сбросит. Я убрала телефон и пошла к общежитию.

В лифте общежития я смотрела на табло. Третий, четвёртый, пятый. На шестом двери разошлись; я крепче перехватила ремень сумки. Элитное крыло. Из-за ближайшей двери доносился смех. Кто-то уже отдыхал, а я всё ещё искала, у кого взять сто двадцать тысяч. Здесь жил Даниил.

Даниил вышел из лифта передо мной и остановился проверить что-то в планшете. Я успела рассмотреть затылок, аккуратный ворот пальто, чистые ботинки. Он ни разу не повернулся. Две недели назад я, наверное, сама отошла бы подальше, чтобы не мешать. Сегодня мне нужно было, чтобы он хотя бы услышал мою фамилию.

Я обошла его и встала на пути к двери. Проход оставался свободным справа; если захочет, просто оттеснит меня. Всё равно нужно было начать.

— Господин Родовский. Нам нужно поговорить.

Он остановился, дочитал строку на экране и только тогда поднял глаза. Я приготовилась повторить просьбу, но он уже рассматривал мой плащ. Мятый рукав хотелось спрятать за спину; я оставила руки на виду.

— Ты заблудилась, Волкова? Твой этаж ниже.

— Мой отец в реанимации после попытки суицида из-за долгов вашей фирмы, — выпалила я, боясь, что голос дрогнет. — Мне нужны деньги на операцию. Или хотя бы встреча с директором.

Даниил усмехнулся. Тихо, почти бесшумно.

— Твой отец жив только потому, что я так решил. Иди домой.

— Нет! — крик вырвался сам. — Я не уйду. Вы должны...

— Я должен? — он сделал шаг ближе. Запах коньяка и табака ударил в нос. — Ты хочешь играть в игры с человеком, который покупает целые отделы полиции оптом? Заходи. Посмотрим, сколько стоит твоя наглость.

В гостиной я остановилась у самого входа. На белом полу даже следы моих кроссовок казались лишними. Сквозь стекло было видно город; отсюда больница ничем не отличалась от других зданий. Даниил прошёл к бару, налил виски. Мне сесть не предложил. Я держала ремень сумки обеими руками и ждала, пока он повернётся.

— Ты хочешь денег, — произнес он, не оборачиваясь. — У меня есть предложение. Не благотворительность. Сделка.

Он развернулся и бросил на стол плотную папку. Бумаги рассыпались веером.

— Ты становишься моей личной помощницей. По учёбе. По имиджу. Ты будешь носить то, что скажу, говорить то, что нужно мне, и улыбаться на банкетах, пока я решаю дела. Ты — моя декорация. Моя кукла.

Глава 2

Я приподняла верхний лист к лампе. Мелкий шрифт, приложения, место для моей подписи. В каждом пункте — очередное «обязуется», и нигде: что будет, если он не выполнит обещанного. Я могла указать на это. Потребовать исправить. Только пока я спорила здесь о формулировках, папа ждал операции.

— Почему я? — спросила я, чувствуя тошноту.

— Потому что ты голодная. И потому что ты одна. Подпиши. И долг заморозят. Не заплатят. Заморозят. На время действия контракта.

Ручка лежала рядом с папкой. Я потянулась за ней, промахнулась, задела ногтем стол. Даниил наблюдал, не помогая. Вспомнились папины пальцы поверх больничного одеяла — он лежал, а я всё поправляла ему край, потому что больше ничего сделать не могла. Здесь могла. Подписать. Я снова взяла ручку, теперь крепче.

— Пункт семь, — сказал Даниил, подходя ближе. Его дыхание коснулось моего виска. Холодное, влажное. — Прочитай вслух. Про конфиденциальность.

На первом слове пришлось сглотнуть. Я отвела лист подальше от лица, чтобы он не видел, как дрожит бумага, и начала читать.

— «Исполнитель обязуется хранить в тайне любые сведения, полученные в ходе выполнения обязанностей...»

— Громче, — перебил он. — Ты мне читаешь, Волкова. Не себе под нос.

Я продолжала. Глаза бежали по строчкам, пока не наткнулись на приписанный от руки пункт в конце списка приложений.

«...а также предоставляет доступ к архивным документам семьи Волковых, включая личные дела отца, для верификации данных».

Я замерла.

— Что это?

Даниил забрал у меня бумагу. Его пальцы коснулись моих, и я отдернула руку, как от огня.

— Технический момент. Проверка благонадёжности. Не отвлекайся, Волкова. Дописывай.

Я ещё раз прочла «архивным документам семьи Волковых». Именно эту строку он торопился закрыть. Помощница по учёбе ему могла понадобиться, но папины бумаги тут при чём? Я прижала лист к столу и запомнила формулировку. От неё нельзя было отделаться как от технической мелочи, сколько бы он ни повторял это слово.

На последнем листе подпись вышла почти ровной. Я задержала ручку над датой. Хотелось написать что-нибудь ещё — что соглашаюсь под давлением, например. Он стоял слишком близко. Я поставила число и отложила ручку, мысленно повторяя его, чтобы потом не забыть.

Даниил вытащил мой телефон из кармана плаща. Я попыталась схватить его за запястье, но он перехватил мою руку одной мощной хваткой. Боль пронзила плечо.

— Что ты делаешь?

— Удаляю лишнее.

Он быстро листал список контактов, стирая номер больницы и контакты родственников. Затем бросил телефон обратно мне в руки. Экран погас.

— Твой отец жив только потому, что я так решил, — повторил он.

Я держала телефон обеими руками, спрятав за ним больное запястье. Он смотрел на меня и ждал.

— Не заставляй меня менять решение из-за твоего плохого почерка.

Кивнуть я не смогла. Номер больницы придётся искать заново, но к папе я всё равно поеду.

Он повернулся спиной и направился к двери спальни.

— Свет. Выключи.

До двери спальни ему оставалось несколько шагов. Я убрала телефон в карман. Папины бумаги, этот «технический пункт» — разберусь потом. Сейчас он уйдёт спать, а у меня останется подписанный договор и ни рубля для больницы.

Я шагнула вслед за ним, но остановилась у стола. Пусть сам оборачивается.

— Деньги на операцию, Даниил. Я выполнила твоё условие.

Он задержался у двери, набрал сообщение и развернул экран. Платёж в больницу. Сто двадцать тысяч. Я прочитала сумму дважды.

— Завтра проверишь сама, — сказал он. — И приступишь к работе.

Я выдохнула, впервые за весь вечер. Этот вдох он тоже записал мне в долг.

Даниил закрыл дверь спальни. Свет я выключила уже после этого. Постояла у выключателя, нащупала ремень сумки и пошла к выходу. В больницу утром нужно будет позвонить заново — найти номер и убедиться, что деньги дошли. Его обещанию я не поверила даже с платёжкой на экране.

Дорогу до общежития я прошла на автомате, прижимая сумку с подписанным договором к боку. Утром нашла номер больницы и дозвонилась: деньги дошли, операцию назначили. Папа был жив — и это единственное, что имело значение. Остаток недели прошёл в лекциях и дороге к его палате, а по вечерам я перечитывала договор в поисках лазейки. Не нашла. И вот одним вечером я взяла ведро и щётку: хоть пол в комнате подчинялся мне лучше, чем Родовский.

Я тёрла пол щёткой. Возле кровати оставалось серое пятно; я лила на него воду и тёрла ещё, хотя пальцы уже плохо сгибались. Хотелось хотя бы здесь закончить что-нибудь до конца. Убрать. Высушить. Закрыть дверь и побыть Кирой Волковой, у которой завтра лекция, а не Кирой из договора Родовского. От порошка першило в горле, и я злилась на пятно ещё сильнее.

В замке повернулся ключ. Я подняла голову от ведра: свой ключ я оставила на столе.

Даниил задержался на пороге, разглядывая комнату. Затем вошёл в мокрых ботинках прямо по вымытому месту. От двери осталась цепочка следов. Я опустила глаза на щётку: если буду смотреть на него, то обязательно скажу лишнее. На костюм, на его ленивое лицо — на всё, чему здесь не было места.

Даниил показал ключ и сунул его в карман.

— Дубликат был приложен к договору. Пункт 4.2: право беспрепятственного доступа для контроля качества исполнения обязательств.

Я посмотрела на мокрые следы. Пол, по крайней мере, контроль не прошёл.

Я положила щётку на край ведра. Руки были мокрые, рукава тоже. Вытереть о халат? Он скажет, что я грязнуля. Я поджала пальцы и ждала.

— Ты здесь по делу? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— По работе, — он уселся на мой единственный табурет, который жалобно скрипнул под его весом. Вытащил из кармана пиджака флешку и положил на стол рядом с моей стопкой учебников. — Твоя задача проста. Переписать черновики моей курсовой по уголовному праву. Свой стиль. Мои мысли. К утру.

Я не брала флешку. Потом преподаватели будут читать мою работу и хвалить его стиль. Может быть, поставят примером мне самой. А если найдут подлог, первой отвечать буду я. Учебники я придвинула ближе к себе, оставив маленький предмет лежать по другую сторону стола.

— Нет, — сказала я тихо.

Даниил поднял глаза. В них не было злости. Только лёгкая насмешка, граничащая с любопытством.

— Прости?

— Я не буду участвовать в подлоге. Уволь меня, продай долг коллекторам, сделай что хочешь. Но писать твою работу я не стану.

Он молчал секунду, две, три. Потом достал телефон, разблокировал экран и повернул его ко мне. На фото спал мой отец. Грязная простыня, бледное лицо, кислородная трубка под носом. Подпись под фото: «Адрес: Городская больница №3, палата 12. Коллекторы уже в пути. Срок прибытия: 15 минут».

Моё сердце пропустило удар, потом забилось где-то в горле.

— Садись, Кира, — приказал он, убирая телефон. Он поднялся и подвинул табурет к столу. — Или ты хочешь, чтобы они пришли туда раньше, чем ты напишешь первую строчку?

Глава 3

Я села. Открыла черновик на ноутбуке, положила рядом тетрадь. Первую фразу пришлось исправить: у Даниила путались основания и выводы. Он листал телефон. Через час я облизывала сухие губы и смотрела уже только на стакан у края стола.

— Можно воды? — выдохнула я.

Даниил не ответил. Он взял стакан с края стола, сделал большой глоток, облизнув губы, и поставил обратно передо мной. На краю остался влажный след его губ.

— Пей, — сказал он мягко, подвигая стакан. — Не хватало ещё, чтобы ты свалилась на середине курсовой.

Я повернула стакан, но он придержал его пальцем, оставив ко мне тот же влажный край. Могла бы попросить другой. После снимка папы я не попросила. Выпила короткими глотками, стараясь не касаться губами отпечатка. Он следил именно за этим, и от злости вода едва не пошла обратно.

Я вернулась к черновику. За стаканом остался мокрый круг, и пришлось отодвинуть тетрадь. Даниил листал телефон, посмеивался, что-то говорил о чужих фотографиях. Я слушала вполуха, пока он не спросил:

— А мать твоя... умерла давно? Странная смерть. Несчастный случай или самоубийство?

Ручка остановилась посреди слова. Про маму дома старались не спрашивать: папа уходил курить или наливал себе, я делала вид, что забыла вопрос. Даниил произнёс «самоубийство» так легко, будто выбирал тему для курсовой. Я положила ручку, пока не сломала её.

— При чём тут это? — процедила я.

— Просто интересно, насколько глубоко залегает дно вашей семьи. Может, долги — это наследственная болезнь? Как и трусость?

Я отвернулась от листа к нему.

— Моя мать была честнее тебя в одном вздохе, — произнесла я каждое слово отдельно. — Она бы не продала человека за место в первом ряду на балу.

Я договорила и выпрямилась. Ждала, что он покажет ещё один снимок папы. Даниил вместо этого улыбнулся, уже без скуки. Ему нравилось, когда я огрызалась. Я пожалела, что вообще заметила перемену: даже мой ответ он записывал в свои развлечения.

— Ого, — протянул он. — Значит, там ещё кто-то живой. Мне нравится, когда игрушку сложно сломать. Это затягивает процесс.

Дверь толкнули после короткого стука. Алина Круглова вошла, придерживая длинный подол, чтобы он не волочился по моему полу. К Даниилу она уже повернулась с улыбкой; мне достался взгляд на щётку в ведре. От неё пахло духами и вином. На такое платье мне пришлось бы работать весь год.

Она прошла мимо меня, как мимо мебели, и плюхнулась на мою кровать, не снимая обуви.

— Даня, ты не согласишься, — начала она, доставая зеркальце. — Там Соколов опять полез с правдами. Ректор чуть инфаркт не словил.

Я посмотрела на Даниила. Он улыбался Алине и даже не попытался объяснить, что она делает в моей комнате.

— Пусть учится держать рот на замке, — сказал он. — Алина, посмотри, какая усердная у меня новая помощница.

Алина лениво перевела взгляд на тетрадь. Её глаза сузились. Она потянулась, схватила листок, пробежала глазами и хмыкнула.

— Цитата из статьи 105 УК РФ искажена. Мелочь, конечно, но для твоего уровня работы — стыд. Даниил, накажи её. Пусть перепишет всю главу от руки. Десять раз.

— Десять раз? — Я потянулась за листком, но Алина отвела руку. — Это уже работа сверх нормы. Ты платить собираешься? Или у нас закон теперь только на лекциях?

Она рассмеялась и посмотрела на Даниила.

— Деточка, ты забыла, кто платит за кислород в этой комнате. Даня, объясни ей.

Я тоже ждала его ответа. Он пожал плечами и кивнул Алине; она сразу повернулась ко мне. Бумаги я забрать не успела. Алина бросила тетрадь мне в лицо. Бумаги рассыпались по полу.

— Заодно подмети, — добавила она и отвернулась к Даниилу, начиная обсуждать, как «развести» одного первокурсника на крупные деньги через фиктивную сделку.

Они обсуждали, сколько взять с первокурсника, прямо над моей головой. Я собрала листы. На одном был след туфли Алины; стёрла грязь ладонью и лишь размазала. Меня мутило. Они заметили бы и это, поэтому пришлось встать.

— Извините, у меня болит голова, — сказала я, вставая. Ноги дрожали. — Я выйду в коридор. Мне нужен воздух.

Даниил не поднял глаз от телефона.

— Сядь.

Я уже отодвигала табурет. Остановилась на этом коротком «сядь». Он даже голову не поднял. Хотелось ответить, что это моя комната. Я вспомнила адрес палаты на его экране и села. Табурет скрипнул; Алина улыбнулась.

Край табурета больно упёрся в бедро. Я подвинулась, прижала локти к столу. Нужно переписать ещё девять раз. Читать строки оказалось легче, чем смотреть на этих двоих.

— Хорошая девочка, — прошептал он.

Я нажала на ручку сильнее и испортила букву. Ему только того и надо: назвать меня хорошей, пока я переписываю его ошибки.

Около десяти Алина ушла. На покрывале осталась грязь с её туфель. Я проводила её взглядом до двери и успела надеяться, что Даниил тоже собирается домой. Он остался у стола; пришлось снова смотреть в тетрадь.

В трубе за стеной что-то щёлкнуло. Обычно по ночам я слышала весь этаж, могла даже узнать соседку по кашлю. Сейчас прислушивалась к Даниилу. Он постукивал пальцами по столу, мешая считать строки; я сбилась, вернулась к началу абзаца.

Сзади табурет задел его колено. Рука легла на плечо, и я замерла, не дописав слово. Поворачиваться не хотелось: его лицо окажется совсем близко. Он наклонился; дыхание коснулось уха. Я сжала ручку.

— Ты пахнешь страхом и дешевым мылом, — прошептал он. — Мне нравится.

Меня передёрнуло. Он говорил прямо в ухо, и хотелось стереть с кожи его дыхание.

Я ударила локтем назад, в живот. Замахнуться толком не получилось — между нами почти не было места, — но он пошатнулся. Я подалась со стула вперёд.

Он успел перехватить моё запястье. Ручка стукнула о край стола, я разжала пальцы: от боли дальше локтя пронесло горячим.

— Смело. — Он коротко рассмеялся, всё ещё держа мою руку. — Твой отец тоже любил драться. Не хватало денег — в ход шли кулаки.

Я попробовала высвободиться. Он сжал пальцы, и пришлось остановиться.

— Видишь? А теперь представь, что против тебя люди, которые могут сломать руку и уйти. Папа поздно понял, с кем связался.

Он приблизился вплотную, его дыхание обожгло мою шею.

— Ты умнее его, Кира. Или нет?

Я перестала тянуть руку. Он говорил о папиных драках так, будто слышал их историю дома. Не по карточке должника. Не по сумме в договоре. «Твой отец», повторила я про себя. Что ещё он знал и оставлял на потом, чтобы достать в удобный момент?

— Отпусти, — прохрипела я.

Он ослабил хватку, но не отпускал. Его большие пальцы гладили мою кожу, оставляя красные следы.

— До завтра, — сказал он, разворачиваясь и идя к двери. — И не забудь взять с собой копию завещания своего отца. Я хочу посмотреть, кому он оставил долги.

Он погасил верхний свет у двери. Я осталась под настольной лампой, придерживая больное запястье. Копия завещания. Даже живой отец уже был для него только папкой с приложениями.

Глава 4

У его двери на шестом этаже я снова увеличила фотографию. Папа спал, простыня сбилась, на руке было пятно от пластыря. Дата вчерашняя. Я убрала аппарат и провела подошвой по линолеуму: кроссовок скрипнул. Лишний звук, когда пытаешься убедить себя, что пришла добровольно.

Дверь открылась раньше, чем я успела постучать. Даниил Родовский стоял в проёме; рукава дорогой рубашки были закатаны до локтей. Он не отступил, чтобы дать мне войти. От запаха коньяка и табака захотелось задержать дыхание: вчера он так же наклонялся к моей шее.

— Заходи, Волкова. Не стой на пороге, как нищенка.

Я вошла и заметила дополнение на столе. Три листа. Он вызвал меня ради них, а завещание, о котором говорил вчера, даже не спросил. За столом открывался проход к бару. Я запомнила, где дверь, хотя понимала: выйти мне разрешат только после подписи.

— Условия? — На последнем слогe голос подвёл. Я кашлянула, но Даниил уже улыбался. Повторять вопрос было поздно.

Даниил усмехнулся и прошёл мимо меня к барной стойке. Стакан стукнул о горлышко бутылки; я вздрогнула и сразу потянулась к листам, чтобы занять руки.

— Ты же юристка, Кира. Читай. К основному договору. Там всё честно. Кроме одного пункта: ты подписываешь дополнение сейчас. Или я звоню ему сегодня ночью. И знаешь что? Коллекторы работают быстрее, чем полиция. А твой отец... он уже не тот человек, который сможет выдержать стук в дверь в три часа ночи.

«Личная помощь», «полный доступ к расписанию», «непрекращаемое сотрудничество». На прошлом листе он хотя бы писал о сроке действия. Здесь я не могла найти, где всё заканчивается. Перевернула страницу, вернулась назад. Даниил уже смотрел на часы, а я искала право отказаться.

— Здесь есть пункты, нарушающие мои гражданские права, — сказала я, поднимая глаза. — Вы не можете требовать от студентки выполнять функции административного секретаря без трудового договора. Это незаконно.

Даниил сделал глоток. Он поморщился и поставил стакан, словно наш разговор портил ему вкус.

— Закон здесь тот, кто платит по счетам, Кира. Подпиши.

В этот момент раздался стук в дверь. Резкий, уверенный. Три удара.

Даниил даже не повернул головы. Я тоже осталась на месте, прислушиваясь. Если это кто-то из кураторов или преподавателей, ещё можно спросить про дополнение при свидетеле. Но три быстрых удара я уже слышала вчера у себя. Алина Круглова. Сейчас она войдёт, и объясняться придётся мне.

— Войдите, — бросил Даниил, не отрывая взгляда от меня.

Когда ручка двери повернулась, я успела скользнуть за бархатную ширму. Прижалась к стене, стараясь не задеть ткань снова. Алина вошла; из щели я видела край белого пальто и сумку, которую она бросила на диван. Её взгляд задержался на пустом месте у стола.

Я ненавидела себя за эту ширму. Можно было остаться у стола, пусть видит. Но она будет слушать, как я спорю и всё равно подписываю, а утром перескажет каждому. Дышать пришлось через нос, очень медленно: бархат шевелился от выдоха.

— Привет, Даня, — протянула Алина. Со мной она так никогда не здоровалась. — Принесла документы для ректората. Сказали, ты задержался.

Алина уселась напротив стола. Её туфля появилась в нижней щели ширмы, потом исчезла. Даниил стоял между нами. От её взгляда на пустой стул хотелось выйти и отдать ей этот стул в руки.

— Документы могут подождать, — ответил Даниил, наливая второй бокал. — У меня тут важный бизнес.

Алина хмыкнула. Она достала зеркальце, поправила причёску, используя отражение, чтобы осмотреть комнату. Её глаза сузились. Она задержала взгляд на ширме. Я прижала локти к бокам, чтобы бархат не шевельнулся.

— Знаешь, Даня, — начала она небрежно, глядя в потолок. — Мне сказали, одна наша стипендиатка вчера бегала по коридору как потерянная. Говорят, у неё проблемы с деньгами. Очень большие. Типа, коллекторов вызывали.

Я прикусила щёку. Про коллекторов она знала; даже здесь, за ширмой, хотелось оправдаться, сказать, что папа ничего не украл. Кому она платила за такие подробности? Вчера в моей комнате не было ни одного чужого человека, кроме неё и Даниила.

— Стипендиатки в этом колледже ломаются быстро, — продолжила Алина, теперь глядя прямо на ширму. Я видела её отражение в стеклянной столешнице. — Сначала они теряют сон. Потом друзей. А потом... становятся удобными. Для кого угодно.

Она говорила обо мне. Прямо сейчас. Называя меня грязной беднячкой, которая сама просится на верёвку. Внутри всё кипело от унижения. Хотелось выйти, крикнуть ей в лицо, показать, что я не вещь. Но если я выйду, она узнает о новом пункте раньше, чем я смогу хотя бы прочесть его. Будет стоять над плечом, торопить и смеяться. Я стиснула зубы и осталась за ширмой.

— Хватит, — резко оборвал её Даниил. Его тон стал ледяным. — Обслуживающий персонал закончил работу. Можешь быть свободна, Алина.

Алина замерла, так и не закрыв зеркальце. Я впервые видела, чтобы ей нечего было ответить. Хотелось выглянуть: повтори, Даня, пусть она ещё раз услышит. Алина захлопнула зеркальце, встала и накинула пальто. Перед уходом задержала взгляд на ширме. Я прижалась к стене — насладиться её лицом всё-таки не решилась.

— Ладно, Даня. Играем по твоим правилам. Но помни: игрушки имеют свойство ломаться. А сломанную вещь никто не хочет чинить.

Дверь закрылась. Я всё ещё прислушивалась: вдруг Алина вернётся, вдруг это только повод заставить меня выйти. Даниил молчал, и выйти первой не хватало смелости.

Даниил вернулся к столу. Он не сел. Он стоял, опираясь руками о столешницу, и смотрел на точку, где заканчивалась ширма.

— Выходи.

Я вышла. Ноги дрожали, но я держала спину прямо. Дополнение лежало на прежнем месте. Рядом с ним — ручка.

— Прочти вслух пункт 14, — приказал он.

— Какой?

— О конфиденциальности личных дел работодателя. Читай. Громко. Чтобы я слышал каждое слово своего контроля над тобой.

Лист прилип к влажной ладони. Я подняла его повыше и начала читать. Длинное слово «конфиденциальность» пришлось произнести по слогам; Даниил не помогал и не торопил. Ждал, пока справлюсь сама.

— «Исполнитель обязуется хранить в тайне любые сведения, касающиеся личной жизни Работодателя, включая финансовые операции, семейные связи и исторические аспекты деятельности семьи Родовских...»

На перечислении семейных связей я сбилась, начала строку заново. Уже хотелось дочитать и опустить лист. Но в следующей строке стояла наша фамилия. Я подвела бумагу ближе к лампе.

— «...а также интеллектуальную собственность, полученную в результате учебной деятельности Исполнителя, включая курсовые работы, дипломные проекты и личные исследования семьи Волковых».

Я подняла голову. Даниил смотрел на меня, а не на лист. Этот пункт он, похоже, знал наизусть; ждал только моего вопроса.

— Что это значит? — прошептала я.

— Это значит, Кира, что твое будущее образование тоже теперь моя собственность. Твои мысли, твои идеи, твоя честь — всё это входит в пакет услуг. Ты продаешь не время. Ты продаешь душу.

Глава 5

Я прочла пункт ещё раз. Он собирался назвать своей собственностью всё, до чего я когда-нибудь додумаюсь. Даже если это можно оспорить, сначала придётся судиться с их фирмой, нанимать юриста, искать деньги. Он рассчитывал на то, что денег у меня не будет.

— Я не подпишу этот пункт, — сказала я и поставила ручку в начало строки: сейчас вычеркну. — Это незаконно. Интеллектуальная собственность студента принадлежит ему.

Даниил рассмеялся. Тихо, почти нежно. Этот смех был страшнее крика.

— Закон? — Он шагнул ближе. Я отступила, упершись спиной в край стола. Бумаги рассыпались. — Кира, посмотри на себя. Ты стоишь в номере сына главного партнера фирмы, которая решает судьбы людей. Ты думаешь, тебя защитит какой-то кодекс? Здесь нет закона. Есть только долг.

Он подошёл вплотную, и отступить от запаха ментола и древесины было уже некуда. Ладонь легла мне на затылок, пальцы зарылись в волосы. Я дёрнулась и только сильнее потянула корни. От его руки пахло коньяком. Он погладил меня большим пальцем, как вчера после боли в запястье. От этого короткого ласкового движения затошнило сильнее, чем от угроз.

— Ты умная девочка, Кира. Но глупая. Ты пытаешься торговаться с тем, у кого есть нож к горлу твоего отца. Подпиши.

Он надавил на затылок. Пришлось склониться над контрактом; кончик ручки скользнул по полю, так и не добравшись до строки. Я видела черту, которую собиралась вычеркнуть, и никак не могла поставить перо снова.

— Если ты не подпишешь, — прошептал он мне в макушку, — я позвоню ему. И скажу, что ты отказалась помогать семье. Что ты предала его ради своей гордости. Как думаешь, сколько времени он проживет после этого звонка?

Под его рукой пришлось согнуть шею. Лампа гудела над листом. Он позвонит папе, скажет сочувственно, что дочь отказалась помочь. Папа поверит, потом будет извиняться передо мной, а я не сумею по телефону объяснить, что произошло здесь. Я ухватила ручку покрепче.

Я задержала перо над бумагой. Рука затекла, хотелось разжать пальцы, но тогда он снова наклонится ко мне. Вывела подпись, не отрывая пера, и потянулась поставить дату.

— Подпиши, — повторил он.

Перо пробило бумагу рядом с датой. Крохотная чёрная дырка. Он заметит и заставит переписать? Я застыла. Даниил забрал лист, не придравшись. На столе осталось пятно чернил; я провела по нему пальцем и вытерла руку о внутренний шов юбки.

Он отнёс подписанное дополнение к сейфу. Я проводила лист глазами — хотелось хотя бы сфотографировать пункт, с которым придётся жить. Даниил убрал его внутрь и щёлкнул замком. Моя подпись осталась у него; я стояла у стола с испачканным чернилами пальцем.

— Молодец, — сказал он. — Хочешь коньяку?

Я покачала головой. Меня трясло. Кожа на затылке все еще горела от прикосновения его пальцев.

— Ты теперь моя, Кира.

Он уже убирал ручку и даже не взглянул на меня. О договоре можно было спорить; на это «моя» я не находила ответа.

— И знаешь что? Мне нравится, как ты пахнешь страхом. Это лучший аромат для старта. Но ещё больше мне нравится, что ты всё ещё дышишь. Значит, мы будем работать долго.

Даниил щёлкнул выключателем. После настольной лампы верхний свет резал глаза; я зажмурилась, прикрыла лицо ладонью. Когда убрала руку, за его плечом открылась фотография на стене.

Там висела старая, выцветшая фотография в простой рамке. На ней двое мужчин. Один — пожилой господин Родовский, которого я видела на портретах в актовом зале. Второй — молодой мужчина в очках. Улыбающийся, живой, полный сил.

Моё сердце пропустило удар.

Это был мой отец.

Папа на фотографии стоял прямо и улыбался. Очки — те, которые до сих пор хранил в ящике. По дате внизу я узнала год перед разорением. Я столько раз слышала, что он сам виноват. А здесь он стоял рядом с Родовским, и никто не отворачивался от него.

На заднем плане были другие люди, но их лица закрывали чернильные полосы. Я подвинулась, чтобы блик не мешал рассмотреть снимок. Ничего: только чужие плечи и воротники. Зачем хранить фотографию, если потом закрашивать на ней людей?

Даниил перехватил мой взгляд. Я подалась к стене, но он шагнул наперерез. Уголок его рта дрогнул — спросить, откуда здесь папина фотография, он мне не дал.

— Не смотри туда, Кира. Там нет правды. Только долги.

Он отвел меня от стены, толкнув к выходу.

— Иди спать. Завтра у нас много дел.

В коридоре я обернулась, но дверь уже захлопнулась. На подушечке пальца засохли чернила; я тёрла его большим пальцем и вспоминала дату под снимком. За год до того, как всё рухнуло. Значит, они знали друг друга ещё до долгов, до больницы, до этого договора.

Папа не разорился. Его уничтожили. И Даниил знал это. Всегда знал.

Я остановилась у окна, приложила ладонь к щеке. Хотелось позвонить папе и спросить про снимок. Он попросит не лезть. Я уже знала этот ответ. Но могла запомнить дату, выяснить, кого замазали на заднем плане. Я повторяла год, пока шла к лифту.

Алина ждала у лифта. До сих пор не ушла. Я остановилась в нескольких шагах: сейчас опять спросит про деньги или назовёт удобной. Она улыбнулась, и меня передёрнуло.

— Ну как, Волкова? Договорились?

Я посмотрела ей в лицо. Пусть считает, что услышала всё из-за ширмы; объяснять, что я подписала, не стану. Она приподняла бровь, подгоняя с ответом.

— Иди в ад, Алина.

Я прошла к лифту, оставив её ждать другого ответа. Пока спускалась, держалась за поручень: ноги всё ещё дрожали. Алина может рассказать про меня всему курсу. Мне теперь нужна была другая фамилия — человека, чьё лицо покрасили рядом с папой.

Завтра Даниил снова даст мне работу. Придётся читать его бумаги так же внимательно, как он заставил читать этот пункт. Только найденное уже останется у меня.

Лифт открылся на первом этаже. Я вышла в подъезд и остановилась у дверей: за спиной оставалась Алина, впереди — завтрашний день Даниила. Разница была только в том, что теперь я знала, зачем читаю его бумаги.

За следующие месяцы я выучила его расписание лучше собственного. Пары, поручения, ночные переписывания. Надеюсь, что, если не давать повода, он хотя бы оставит отца в покое.

То утро началось с запаха чужой туалетной воды.

Алина вошла без стука. Я не успела закрыть ноутбук. Она держала папку с курсовой, но смотрела на кровать, на полку, на книги. У стола задержалась. Халат лежал на одеяле, я потянулась убрать его и оставила: не стану приводить комнату в порядок ради неё.

— Извини, Волкова, — протянула она, проходя внутрь и даже не снимая пальто. — Мне нужно сверить данные для общей работы. Ты же не против?

Она прошла вдоль стены, проводя ногтем с идеальным маникюром по пыльной полке.

— Господи, у тебя даже простыни пахнут нищетой, — брезгливо сморщилась Алина, заглядывая под мою подушку. — Как ты вообще живешь здесь? Это же антисанитария. Папа говорит, таких студентов надо отчислять за нарушение правил проживания.

Её ноготь стукнул по краю ноутбука. На экране было письмо, которое я переписывала ночью трижды, пока Даниил не получил нужные формулировки. Теперь Алина собиралась почитать и это. Я накрыла крышку ладонью. Не хлопнула — файл не сохранён. Но отодвинула от неё.

— Вон, — сказала я тихо.

Алина обернулась, усмехнувшись.

— Что?

— Вон из моей комнаты. Сейчас.

Я шагнула к ней, схватила за плечи и толкнула к двери. Она попыталась упереться каблуками, но я уже теснила её через порог. Алина споткнулась, ухватилась за косяк. Дрожь в руках не мешала толкать — мешала только отпустить вовремя.

— Ты... ты смеешь?! — прошипела она, выравнивая юбку. — Я расскажу ректору! Я добьюсь, чтобы тебя выселили сегодня же!

— Иди, — ответила я, захлопывая дверь перед её носом. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Заперев дверь, я села на кровать. В горле стоял смешок: она действительно вышла. Не я уступила ей стол, не я извинилась. Теперь побежит к отцу или Даниилу. Уже было страшно, но я поднялась и убрала халат — спокойно, как убирают свои вещи у себя дома.

Глава 6

На уголовном праве я ждала, когда Алина начнёт мстить за утро. Профессор Смирнов стоял у доски; на рубашке опять было пятно чая. Обычно оно меня смешило. Сегодня я следила за его указкой и надеялась, что меня хотя бы не вызовут отвечать.

— Представьте ситуацию, — говорил он, водя указкой по доске. — Клиент просит вас закрыть глаза на мелкую фальсификацию документов ради спасения бизнеса. Ваши действия?

В аудитории повисла тишина. Затем со второго ряда раздался звонкий голос Алины.

— Если юрист соглашается, он теряет профессиональную этику. Но если он отказывается, он рискует карьерой. Особенно если этот «юрист» — бедная девочка, которой нужны деньги на жизнь и которая готова продать себя за стипендию или место в коридорах власти, — Алина повернулась ко мне, её глаза блестели от удовольствия. — Правда ведь, Кира?

Курс захихикал. Кто-то шепнул: «Продажная». Кто-то другой: «Надо было сразу уйти, а не терпеть унижения».

Под партой я впиалась ногтями в ладонь. Ответу — она перебьёт и спросит про деньги. Промолчу — запомнят её слова. Сзади уже шепнули «продажная». Я посмотрела на профессора: он слышал. Хоть один раз можно было сделать вид, что в этой аудитории решает преподаватель.

Профессор посмотрел на меня поверх очков.

— Мисс Волкова? Ваш комментарий?

Я подняла глаза. Нас было тридцать; кое-кто уже обернулся ко мне вполоборота, чтобы лучше слышать. Профессор ждал вместе с ними. Пришлось выдохнуть, прежде чем заговорить.

— Нет комментария. — Вышло тише, чем хотелось, но повторять я не стала.

Алина подождала, вдруг я начну оправдываться. Потом громко вздохнула. Я держала взгляд на доске. Если повернусь, увижу их лица и не смогу сидеть. Профессор продолжил лекцию, а я записала заголовок поверх вмятины от ручки.

Лекция тянулась ещё сорок минут. Я записывала заголовки и не поднимала глаз, пока не прозвенел звонок. В столовую вышла раньше толпы: голод был сегодня единственным, кто со мной считался.

В столовой за стуком ложек можно было не расслышать свою фамилию, и я впервые за день не оглядывалась. Взяла поднос с супом и салатом, который выглядел как трава, и искала глазами Матвея. Он сидел один в углу, зарывшись в учебник по конституционному праву.

Матвей Соколов хотя бы не отводил глаз, когда я здоровалась. Я замедлила шаг у его столика: вдруг ждал кого-то. Он поднял голову от учебника и нахмурился, разглядывая моё лицо.

— Кира? Сядь, — он придвинул стул ногой. — У тебя бледный вид. Тебе тяжело после утреннего инцидента? Я слышал...

— Спасибо, Матвей, — я села, чувствуя, как напряжение в плечах немного отпускает. — Просто хочется есть.

Он потянулся через стол, чтобы передать мне салфетку, но в этот момент тень легла на наш столик.

— Матвей, дорогой, мы ждем тебя в библиотеке. Ректорский совет требует срочного анализа твоего эссе, — Алина стояла рядом, держа в руке два стаканчика кофе. Она поставила один перед ним, демонстративно игнорируя меня. — И перестань тратить время на эту... компанию. Это плохо влияет на твой рейтинг.

Матвей посмотрел на меня, потом на кофе. Я уже понимала, что услышу «прости». Он спрятал карандаш между страницами учебника. Так старательно, будто ради этого нужно встать именно сейчас. Алина ждала. На меня он больше не посмотрел.

— Прости, Кира, — пробормотал он, убирая руки. — Может, позже...

— Не стоит, — я отодвинула свой поднос.

Алина увела его, положив руку на плечо. Я осталась перед супом, на котором уже стянулся жир. Съесть бы половину: вечером может ничего не быть. Но ложка не шла в рот. Я дошла до бака и вылила суп. Потом жалела — уже на лестнице живот свело от голода.

Остаток дня прошёл в парах с урчащим животом; к вечеру я уже знала, что задерживаться нельзя. Родовский не привык ждать.

Вечером я снова стояла в апартаментах Даниила Родовского и слушала дождь. За стеклом лило так, что не видно было улицы. Папа в такое время спрашивал, взяла ли я зонт. Здесь пахло табаком и кожей кресел, горели лампы; сесть или позвонить домой мне пока не предложили.

Даниил сидел в кресле, крутя в руках бокал с янтарной жидкостью. На столе перед ним лежал лист бумаги и ручка.

— Сегодня вечером деканат получит жалобу на качество уборки в женском крыле, — сказал он, не глядя на меня. — Пиши. От моего имени. Подпись должна быть моей. Тренируйся, пока не выйдет идеально.

Я замерла.

— Это ложь, Даниил. Там все чисто. Зачем тебе это?

— Потому что мне нравится видеть, как они нервничают, когда кто-то сверху указывает им на их несовершенство, — он наконец посмотрел на меня. Я не потянулась к ручке, и улыбка исчезла с его лица. — Или ты хочешь, чтобы я позвонил коллекторам прямо сейчас? Долг растёт каждый час, Кира. Твой отец уже не спит ночами.

Я представила этот лист в деканате: мой текст, чужая подпись. Даниил скажет, что ничего не поручал. Откажусь — покажет папину палату. Он уже слышал от меня, почему это нарушение. Нужно было придумать, как испортить ему жалобу, а не снова объяснять.

Я взяла ручку и подвинула лист ближе. За эти месяцы научилась оставлять такой же длинный хвост у его «Р», так же небрежно соединять буквы. Он добился своего: чужое имя получалось без запинки. Теперь осталось подобрать текст, который с этой подписью никому не навредит.

Форма жалобы должна соответствовать регламенту. Статья 12.3 Положения об обслуживании.

Сначала поставила ссылку на несуществующий пункт. Затем пропустила дату и заменила требование формулировкой, на которую можно ответить отпиской. Любой первокурсник заметит, если станет проверять. Даниил видел похожий на его почерк и аккуратный лист; остальное ему было неинтересно. Я не торопилась отдавать, чтобы не выдать радость.

Даниил отпил коньяк, пока я выводила последние буквы. Я закрыла предплечьем незаполненное место для даты. Если сейчас спросит, придётся сослаться на невнимательность. Он поставил бокал и протянул руку за листом.

— Готово, — я положила лист перед ним.

Он пробежался глазами по строчкам, удовлетворенно хмыкнул и забрал бумагу.

— Хорошая девочка. Сейчас отправлю в деканат. А теперь иди спать.

Вышла с ровной спиной и лишь в коридоре прислонилась к стене. Он забрал жалобу. Даже похвалил. Оставалось надеяться, что декан вернёт бумагу, а Даниил спишет это на канцелярскую придирку. Надежда была маленькая, зато моя.

В комнате я легла поздно: сначала проверила телефон — больница молчала, потом долго смотрела в потолок, перебирая в голове пункты договора. Уснула при включённом свете и проснулась от собственного сердцебиения.

В три часа утра меня разбудила дверь в коридоре. Я посмотрела на часы в телефоне и натянула одеяло до подбородка. Шаги приближались к моей комнате. Соседки так тяжело не ходили; я успела сесть, прежде чем щёлкнул замок.

У Даниила был доступ ко всем ключам в крыле. До сих пор ночью он ими не пользовался. Я сжала край одеяла: жалобу вернули, больше незачем приходить в такой час.

Он стоял в дверном проёме, заслоняя свет из коридора. Даже до кровати доносился запах алкоголя. Я поискала глазами телефон — он остался у подушки, за моей спиной.

— Проснись, — приказал он.

Я подтянула одеяло к груди. Он уже вошёл; встать и пройти мимо него к двери я не успевала.

— Что случилось?

— Декан вернул письмо, — голос Даниила был тихим, но в нем звенела сталь. — С замечанием о «формальных ошибках». Ты думала, я не проверю? Ты думала, я настолько глуп, чтобы отправить документ, который невозможно исполнить?

Прежде чем я успела ответить, он оказался у кровати и схватил меня за шею под челюстью. От толчка спина ударилась о стену. Я прикусила губу; во рту стало солоно. Одеяло сползло, а поднять руки к его запястьям получилось только со второй попытки.

— Ты саботируешь меня? — прорычал он, нависая сверху. Я упёрлась пальцами в его запястье; он сжал сильнее, и пришлось разжать рот, ловя воздух. — Я могу расторгнуть контракт прямо сейчас. Прямо здесь. И завтра твой отец узнает, что такое реальные коллекторы. Не те, что ждут денег, а те, что ломают кости.

Я пыталась отодвинуть руку от шеи, но он держал крепко. Он сам прочитал жалобу и одобрил. Нужно заставить его вспомнить прежде, чем ударит. Я перестала дёргаться, подняла глаза. Воздуха на целую фразу не хватало; пришлось выбрать короткое объяснение.

Я удерживала его взгляд. Пусть хотя бы выслушает — у двери и телефона теперь всё равно было не пробраться.

— Вы сами учили меня быть внимательной к деталям, Даниил, — прошептала я, борясь за каждое слово. — Ошибки были там, где вы хотели их видеть. Чтобы проверить, насколько глубоко я усвоила ваши уроки.

Он молчал, и я успела пожалеть о своей выдумке. Потом хватка ослабла. Воздух прошёл в горло; я постаралась вдохнуть тихо, чтобы он не заговорил раньше меня. Его дыхание обжигало щёку.

— Смело, — выдохнул он.

Он наклонил голову, разглядывая меня. На секунду показалось, что ему понравился ответ. Именно это и пугало: боль в шее ещё не прошла, а я уже искала на его лице знак, что отделалась.

Он отпустил меня и шагнул назад.

— Следующая попытка манипуляции закончится тем, что я сломаю тебе пальцы. Понятно?

— Да, — ответила я, растирая покрасневшую кожу на шее.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что задрожали стекла.

Глава 7

Следующее утро началось с того, что Алина перехватила меня в пустой аудитории за пять минут до начала пары.

Она стояла у доски, перебирая мелки, и её лицо сияло злорадством.

— Знаешь, что смешно? — начала она, не оборачиваясь. — Мой брат работает помощником декана. Он показал мне скриншоты переписки Родовского. Черновики того самого письма.

Я остановилась у двери. Холод пробежал по спине.

— Ты работаешь на него как прислуга, Кира. Ты пишешь за него документы, занимаешь его место, терпишь его унижения. Ты — его личная шлюха на контракте.

Она резко повернулась, подходя ближе.

— Признайся публично. Скажи всем, что ты продажна. Тогда, возможно, я не буду рассказывать ректору, как ты фальшивишь подписи. Это уголовное преступление, деточка.

Её пальцы обвились вокруг моего плеча, пытаясь развернуть меня к доске.

— Ты думаешь, он защитит тебя? Он использует тебя, пока ты полезна. А потом выбросит.

Я смотрела на её ногти, вцепившиеся в блузку. От поворота шеи ещё болело под челюстью. Дёрнуться сейчас — сделать себе больнее, а ей только веселее. Я поставила сумку на пол, чтобы освободить руку.

— Отпусти, — сказала я.

— Что ты сделаешь? Поплачешь?

Дверь аудитории скрипнула.

Мы обе замерли. В проёме стоял Даниил Родовский. Костюм без складки, волосы аккуратно уложены. Я ждала, что он снова спросит про жалобу, но он только посмотрел на пальцы Алины у моего плеча. На трезвом лице я не находила ничего от человека, который ночью вдавил меня в стену.

Алина мгновенно отдернула руку, выпрямившись.

— Даниил, мы просто... обсуждали учебу.

Он не ответил ей. Он прошел мимо, прямо ко мне. Студенты, начинавшие заполнять аудиторию, замирали на пороге, следя за каждым движением.

Даниил остановился почти вплотную. Медленно снял тёмно-синий кашемировый шарф и накинул мне на плечи. Ткань коснулась шеи; я дёрнула подбородком, он поправил край выше. Запах сандала я узнала раньше, чем успела отодвинуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.